

Литература:

1 Татаркин, А. И. Интеллектуальный ресурс общества и его роль в воспроизводственном процессе [Электронный ресурс] / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2010. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-resurs-obschestva-i-ego-rol-v-vosproizvodstvennom-protse>. – Дата доступа: 12.02.2016.

2 Головчанская, Е. Э. Интеллектуальный ресурс в системе экономического общественного воспроизводства: сущность, роль, структура / Е. Э. Головчанская // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 5–2. – С. 400–404.

Е.А. Сушкевич

*УО «Белорусский государственный экономический университет»
(Республика Беларусь, Минск)*

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сегодня все больше возрастает роль возобновляемой энергетики в мировом масштабе, в том числе и в Республике Беларусь. В настоящее время для регулирования и стимулирования развития возобновляемой энергетики в нашей стране на законодательном уровне установлено применение системы квотирования и модели льготных тарифов с использованием повышающих коэффициентов в зависимости от видов возобновляемых источников энергии, электрической мощности фактического срока службы энергоустановок, а также ряда других критериев.

Система квотирования является относительно новым для Республики Беларусь инструментом – установление квот на создание энергоустановок по использованию ВИЭ начало применяться только с 2015 г. В соответствии с решением Республиканской межведомственной комиссии на 2016-2018 гг. определены следующие размеры квот: для установок энергии естественного движения водных потоков – 82 МВт, 32 МВт – для энергии биогаза, 50 МВт – для энергии ветра, 15 МВт – для энергии солнца, 36 МВт – для энергии древесного топлива и иных видов биомассы [1].

Расчет размера тарифа на электрическую энергию, производимую из ВИЭ, в настоящее время производится в соответствии с Постановлением Министерства экономики № 151 от 19 сентября 2011 г. Данный тариф устанавливается на уровне тарифов на электрическую энергию для промышленных и приравненных к ним потребителей с присоединенной мощностью до 750 кВА. Соответствующие повышающие коэффициенты к указанным выше тарифам установлены Постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 07.08.2015 г. № 45.

По мнению автора, белорусская модель льготных тарифов имеет ряд достоинств и недостатков. К числу несомненных достоинств данной модели можно отнести предоставление владельцам энергоустановок по использованию ВИЭ значительных налоговых льгот и ряда других преференций, а также покупка «зеленой» энергии по достаточно высоким тарифам, размер которых по отдельным видам возобновляемых источников энергии сопоставим со среднеевропейским и даже превышает его.

Так, например, владельцы солнечных энергоустановок, введенных в эксплуатацию в Беларуси до 20.05.2015 г. и эксплуатирующихся менее 10 лет, на 01.05.2016 г. могли бы получить за произведенную электроэнергию плату в размере 6434,18 бел. руб. за 1 кВт·ч (29,36 евроцента), в Германии – 9,23–13,15 евроцента; владельцы энергоустановок, использующих движение водных потоков – 2621,33 бел. руб. за 1 кВт ч (11,96 евроцента), в Германии – 3,50–12,52 евроцента; владельцы энергоустановок, использующих энергию ветра, древесного топлива и иных видов биомассы, биогаза, тепла земли и иных источников энергии, не относящихся к невозобновляемым, – 3097,94 бел. руб. за 1 кВт ч (14,14 евроцента). В Германии тариф для береговых ветроустановок составляет 4,95 – 8,90 евроцента/кВт ч; установок по переработке биомассы и биогазовых установок – 5,85–23,73 евроцента/кВт ч; геотермальных установок – 25,2 евроцента/кВт ч [2].

В то же время у белорусской модели льготных тарифов есть и существенные недостатки, к числу которых относится прежде всего методика их расчета: тарифы устанавливаются в белорусских рублях и рассчитываются по формуле, в которой фиксированными величинами являются только повышающие коэффициенты, все же остальные показатели являются переменными. В связи с этим инвесторы не могут быть в полной мере уверены в том, что получат запланированную норму прибыли в долгосрочной перспективе.

Еще одним недостатком модели стимулирования использования ВИЭ в Беларуси является отсутствие ежегодной депрессии тарифов, которая используется во многих странах мира. Так, например, в Германии с 01.01.2016 г. законодательно установлена депрессия тарифов для электроэнергии, произведенной на гидроустановках, на 0,5 % ежегодно; для электроэнергии, произведенной из свалочного газа и газа сточных вод, – на 1,5 % ежегодно.

В Республике Беларусь также отсутствует дифференциация льготных тарифов в зависимости от качества ресурсов и месторасположения энергоустановок. В других странах, например, в Чехии тарифы для фотоэлектрических установок различаются для отдельно стоящих, находящихся на зданиях и встроенных в здания солнечных установок.

Автор считает, что необходимо внедрить использование бонусов за замену и модернизацию функционирующих энергоустановок и использование высокоэффективных технологий, когенерацию энергии, использование конкретных потоков топлива (например, твердой, жидкой или газообразной формы биомассы). Последний бонус используется во Франции для установок по переработке биомассы, и его размер зависит от энергетической эффективности и вида используемых ресурсов.

По мнению автора, все выше указанные аспекты существенно снижают эффективность экономического механизма стимулирования возобновляемой энергетики в Республике Беларусь и требуют его совершенствования с учетом изучения и применения лучшего опыта зарубежных стран.

Литература:

1 Почти 40% квот на производство возобновляемой энергии в 2016–2018 годах выделено на гидроэнергетику [Электронный ресурс] / БелТА. – Режим доступа: http://www.atom.belta.by/ru/news_ru/view/pochti-40-kvot-na-proizvodstvo-vozobnovljaemoj-energii-v-2016-2018-godax-vydeleno-na-gidroenergetiku-6694. – Дата доступа: 25.05.2016.

2 Renewable Energy Sources Act – RES Act 2014 : act on the Development of Renewable Energy Sources : in the version in force as of 1 August 2014 // Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety. – Berlin: BMU, 2014. – 74 p.